

ИВАН А. ДОРОВСКИЙ

О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЯХ В ТВОРЧЕСТВЕ РАЙКО ЖИНЗИФОВА

Райко Жинзифов — интересная литературная личность, принадлежащая к истории трёх народов — македонского, болгарского и русского. Неясным до сих пор остается его отношение к революционным формам борьбы, что является предметом настоящей статьи.

Поэт, проживший всю свою творческую жизнь в России, под воздействием русской прогрессивной литературы и общественной мысли мечтал о том времени, когда взойдет «звезда пленительного счастья» (Пушкин, «Чаадаеву»). Вера нашего поэта в то, что действительно наступит новое время тянется красной нитью почти через всю его поэзию. Она прозвучала и в стихотворении «Доба»:

Ке дойдит доба, ке дойдит доба,
И тая доба не ет далеко,
Да се исполнил народна молба,
Желание горещо, ак' и не леко.

Ясный патристический, революционный голос поэта раздался в стихотворении с очень характеристическим названием «Недопаяна песня» (1864), являющемся личной исповедью поэта, объяснением его безмерной любви к народу. Развитие его сознания от идеализма к революционному пониманию общественного развития и конкретно его убежденность в том, что только путем вооруженного восстания можно в Турецкой империи добиться коренных изменений, прошли через долгий и сложный путь.

Уже в 1862 году сильно подействовали на поэта белградские события, героическая оборона города сербами. Жинзифов уже осознал, что разрешение церковного вопроса связано с освобождением. В статье «Болгарский церковный вопрос» с 1862 года поэт пишет: «Белградские события не могли не отозваться в Болгарии; возможность восстания болгар и завоевания ими политической независимости своей стала яснее представляться глазам болгарских патриотов, а с решением вопроса о независимости политический церковный вопрос решался сам собою.»¹

До сих пор ошибочно толковались взгляды Жинзифова; исследователи и историки литературы писали о его политических взглядах только как о просветительских. Действительно, Райко Жинзифов не принадлежит к национальным и культурным деятелям балканских славянских народов, непосредственно участвующим в революционной борьбе против турок, хотя поэт хотел вступить в повстанческие отряды (четы) в Румынии и Болгарии.²

Жинзифов в России скоро познакомился с классической литературой — с творчеством Лермонтова, Пушкина, Шевченко, Некрасова и др. Именно под воздействием идейных взглядов революционно-демократического направ-

вления в русской общественной мысли, под влиянием романа Чернышевского «Что делать?», поэзии Шевченко и Некрасова Жинзифов в стихотворении «Недопеяна песня» приходит к выводу, что не молитвами и алтарными жертвоприношениями (Доста ми сълзи лихме, пролихме // Тебе кланяйки с' тебе молейки), не развитием «без каких-либо потрясений и крови», а только кровавыми битвами и организованной борьбой можно добиться свободы:

Нам не помагат с сълзи молитви,
Жъртви олтарни, поклони низки . . .
Нам са потрбни кървави битви,
Час на съдба ни мож' да е близки! . . .³

Роман Чернышевского «Что делать?», вышедший в 1863 г. в журнале «Современник», наверно, помогает Жинзифову прийти к убеждению, что злоба и горе, рабство и невежество не вечны: «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие!»⁴ В романе Чернышевского выражена идея, что в 1865 году произойдет революция. Это вдохновляет, наверно, и Жинзифова, говорящего в своих стихотворениях о близком времени освобождения.

Нельзя согласиться с Б. Пеневым, что «Жинзифов стоит далеко от всяких революционных идей, что они (имеется в виду Чинтулов, Раковский и Жинзифов) надеются только на покровительство России и ждут от нее спасения».⁵ Таким способом замалчивать и обходить факты, значит искажать действительную картину творчества поэта и его взглядов, выраженных в поэзии и статьях. Поэзия Жинзифова с ясно революционными мотивами, по-нашему мнению, вполне соответствует целям и программе болгарского и македонского прогрессивного направления, выразившего свой бурный и неспокойный характер — стихийное, неудержимое страстное желание к свободе. Поэзия Жинзифова находится в полном соответствии с третьим периодом развития болгарского и македонского общественного мнения, с литературой национально-освободительного движения, которое в половине 60-х годов все яснее и яснее определяет свое идейное содержание и своими политическими тенденциями резко выделяется из других литературных групп.

Неверным является также то, что говорит З. Здравева, что «Жинзифов е бил далеч от революционната борба. Той се е движил само в рамките на публицистическата и книжовна дейност».⁶ Против этого поверхностного и некритического толкования ясно говорит не только его «Недопеяна песня». Характерен и тот факт, что хотя стихотворение «Недопеяна песня» было написано 1-го января 1864 года, оно было опубликовано четырьмя годами позже в бухарестском болгарском журнале «Народност». Это было время усиленной борьбы за окончательное разрешение церковного вопроса, период организации революционных комитетов и отрядов, период стремления и подготовки к вооруженному восстанию.

В конце концов, Жинзифов ни в одной статье или стихотворении не выступает против идеи вооруженных восстаний, а наоборот. В одной своей статье с 1865 года, подписанной псевдонимом «Велешанин», поэт пишет: «Пока народы Балканского полуострова волей-неволей терпеливо сносят турецкое иго, пока они сами не примут участия в деле освобождения» нельзя ожидать никаких перемен.⁷

В 1864 году Райко Жинзифов окончил историко-филологический факультет Московского университета. Из его корреспонденции с Марином Дриновым мы узнаем, что у него было намерение вернуться на родину. Но он не мог возвратиться, так как для турецкого правительства был «опасным и нежелательным лицом». В письме болгарским студентам в Праге и В. Д. Стоянову⁸ от 4-го ноября 1864 года он пишет: «... нема къде да се денам, като недавно ме известиха из Цариград че Турското правителство щело да ме преследва, та и въобще Турското правителство гонит и ловит Българете които се учат в Русско.⁹ Оттова лесно е да разберете, че я се нахождам в лошава положение като не мога да се закачам за Българска работа».¹⁰

У Жинзифова был замысел работать на родине учителем, пробуждать, просвещать и организовать народ. И он был несчастлив, когда узнал, что вернуться на родину невозможно... «я не мога и дома да си вървам, ако ща да не лежам в Цариградските темници в заточение. Знайте, братя, че Турското правителство нас преследва систематически и се е решило с разни начини да не допусне ни едного из Българете които се учел в Русско, особенно же тези из них, които искат да станат народни учители».¹¹

Важно отметить, что Жинзифов в многих своих статьях, особенно после 1864 года (мы не будем их разбирать) подписывался псевдонимами или только разными знаками. Тоже из этого можно заключить, что идея возвратиться на родину и там действовать «с остро перо или острый меч» никогда не покидает Жинзифова. В письме Дринову от 25 мая 1868 года, написанном по-русски, он пишет: «Мы, то есть я и общий наш товарищ, не откажемся покинуть белокаменную и приехать... в Кара Влашка (Румыния — И. Д.), чтобы вместе с тобой трудиться на пользу родины и рода нашего, ... разумеется если и ты будешь тянуть лямку вместе с нами».¹²

Райко Жинзифов уже хорошо и правильно видит не только реальное положение, но и пути решения. Греки, румыны, сербы уже освободились от турок, остались только славяне в Болгарии и Македонии. И чтобы показать волю народа, он обращается к недалекому прошлому — к болгарским и македонским восстаниям.

О конкретном отношении Жинзифова к повстанческим действиям в 1867 по 1868 годах говорят его воодушевленные статьи и сообщения в русской печати о первых «кровавых стычках» болгар с турками. Для Жинзифова это дело свидетельствует «о решимости болгар не сносить далее в молчании и смирении кровных обид и угнетений, причиняемых им турками». И поэт радостно восклицает: «Не есть ли это столкновение христиан с турками предвестие предстоящего болгарского восстания?»¹³

Автор «Кровавой рубашки», «Недопечной песни» и «Гуслыра в соборе» цитирует призывы болгарских газет против турецких угнетателей: «О, болгарский народ! Проснись и воспользуйся временем, которое ждет и зовет тебя!»¹⁴ Жинзифов осознал, что «нам ничего больше не остается, как только восстать». Он постепенно перестает основывать свои позиции исключительно на ожиданиях освобождения со стороны России, хотя продолжает верить в нее. «Следовательно, встаньте, и берите в руки, кто что только может: секиру, ружье, косу и с нами скажите раз навсегда — смерть или свобода!» — такие слова цитирует поэт из болгарских газет в половине июня 1868 года.¹⁵

Македонский поэт верил в силы народа и ежедневно убеждался в том, что народы на Балканах до тех пор не добьются свободы, «пока сами не примут участия в деле освобождения . . .»

Помощь России Жинзифов понимал в том смысле, что Россия, русский народ, если узнает правду о «забытом народе на Балканах», то поможет ему в политической борьбе, ободряющими словами и больше всего материальными средствами, руководясь своим славянским сочувствием.

К середине 60-х годов 19 столетия в болгарском обществе уже выявляются два течения, две политические группировки — партия т. наз. старых и движение «молодых», стоящее на позициях национально-освободительной антифеодальной борьбы. «Молодые» выражали интересы мелкой буржуазии и крестьянства и видели в низвержении турецкого господства единственный выход из тяжелой ситуации. Благодаря «молодым» борьба за церковную самостоятельность приняла общенародный характер. И среди «молодых», однако, определялись два течения — умеренное, просветительское, буржуазно-либеральное, и революционное течение, выражавшее стремление крестьянских масс, ремесленников и части мелкой торгово-промышленной буржуазии.

О своем отношении к этим политическим группировкам говорит сам Жинзифов в письме М. Дринову от 22 ноября 1868 года (во время формирования либерального и революционного течений среди «молодых»). Жинзифов именно в то время, когда появляются повстанческие четы, выражает в письме свою уверенность в конечном разрешении церковного вопроса. «Может бы в тоба време ще се изменят обстоятелства к лучшему и нашего давнешно желание и стремление ще се осъществи».¹⁶

Сообщая Дринову в том же письме о намерениях патриарха созвать собор всех православных независимых церквей, чтобы решить болгарский церковный вопрос, Жинзифов пишет: «Я же мислям, че този въпрос окончателно ще го реши сам о с а б л я т а¹⁷, защото можеш ли ти да считаеш въпросът решен, когато ти гледам, че искат да отделят само България, а Македония и Тракия пак да си останат по прежнему? . . .»¹⁸

О том, что Жинзифов был убежден в возможности окончательного разрешения вопроса только борьбой, свидетельствует и стихотворение «Отзив към певецът», написанное 17 июня 1869 года. Это стихотворение, к сожалению, при анализе творчества поэта — автора «Кровавой рубашки» вообще не принималось во внимание.

В болгарском журнале «Дунавска зора»¹⁹ было опубликовано стихотворение «Работ» с подписью П о п , в котором его автор призывает своих соотечественников к борьбе против турок. Стихотворение Жинзифова «Отзив към певецът» является восторженным откликом на стихи поэта. Оно выражает признательность Жинзифова к поэту-революционеру, «молодому певцу» нерадостного скорбного голоса:

Прозетох я песня ти, млади певец,
И чух я в радосты, тъжен ти глас,
Узнах те по слогът, по бистро перо,
Яви се пред мене твое мръчно чело.

По примеру неизвестного нам поэта Жинзифов призывает булат: ²⁰

Булатъ отдавна си викам и аз
И пак се придружвам при силез ти глас:
Стани же ти, остри булате, не спи,
В ръката на рабът грозно заблъсни
На десно, на лево, как мъдня блъсни,
Ударай в сърдцата, режи и коли,
Нек вражската сила от нас с' удали,
Че много она кръв невинна изпи.

Это прямой гимн восстанию, гимн вооруженной борьбе, призыв к народу, богатырю — булату:

Мсти ти булате, пусни са на лет
За нашите робски векови пет,
За деловска слава, за вера, за чест,
За всичко излей се народна ти мест.

Стихотворением «Отзив към певецът» Жинзифов достиг апогея своего поэтического творчества, выразил как можно более комплексно свои взгляды на правильное и окончательное освобождение подвластных туркам славян. Здесь поэт выразил свое политическое кредо. Это ставит его в ряд представителей прогрессивных слоев болгарского и македонского народов, в строй деятелей прогрессивного направления.

Борьба за болгарскую церковную самостоятельность была доведена до конечной стадии. В феврале месяце 1870 года турецкое правительство издало у. из, которым разрешалось основание болгарской экзархии. Но Жинзифов относится к этому решению скептически и султанский ферман считает «квазирешением... вопроса». Таким решением, по Жинзифову, турецкое правительство создало новую проблему, а именно проблему церковной принадлежности славянского населения Фракии и Македонии, так как в болгарскую экзархию была из македонских областей включена только велесская епархия. Для окончательного решения и урегулирования болгарского церковного вопроса — как Жинзифов правильно считал — нужно было еще упорядочить, переорганизовать турецкую область Македонии, в которой «славянская народность по численности значительно превышает всякую другую народность не славянскую»... ²¹

Райко Жинзифов был разочарован таким характером решения церковного вопроса, которому особенно в последнее десятилетие своей жизни посвятил всю свою деятельность в русской и болгарской печати. Поэт отказался от всякой прямой деятельности (если не принимать во внимание стремление продолжать в русской печати освещение греко-болгарского вопроса и после опубликования турецкого указа) и вполне посвятил себя педагогической деятельности. (Так же ведет себя П. Р. Славейков и несколькими годами позже революционер-демократ Л. Каравелов.)

Два месяца после мобилизации русской армии (29 октября 1876 г.) Жинзифов участвует в подготовке некоторых пособий, которые должны были послужить русским войскам на территории Турецкой империи. Об этом сообщает поэт М. Дринову в письме от 7 декабря 1876 года, незадолго до своей смерти: «Времената са тежки и трудни ²² (= бременные, И. Д.) сиреч искат да родат нещо... От всекого из нас потребен е посилен труд, и поради това аз уже пристъпих да състава, по приглашение на Ивана Сергеевич

(И. С. Аксаков — И. Д.) «Дорожник по Македонии», или иначе «географическо-статистическое описание на Македония». ²³ Из того же письма мы узнали, что Жинзифов участвовал тоже в составлении краткого русско-болгарского словаря, предназначенного для подобных целей, как и «Дорожник». ²⁴

Райко Жинзифов, отдавший всю свою жизнь за родную Македонию и Болгарию, не дождался счастья. О нем могли бы мы повторить слова Адама Мицкиевича, сказанные о Конраде Валленроде: «Он счастья не нашел, ибо несчастной была его отчизна».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Р. Жинзифов, Публицистика в два тома. Составили Ц. Унджиева и Д. Леков, БАН, София 1964, том 1, стр. 220.
- 2 Ал. Спасов, Поезията на Райко Жинзифов, «Трудови», год. 1, бр. 1—2, Скопје, 1960, стр. 23 и след.
- 3 Разрядка моя — И. Д. Не является ли одновременно ответом Гражданину из стихотворения Некрасова «Поэт и Гражданин», который читает следующие стихи:
 Не для житейского волнения,
 Не для корысти, не для битв,
 Мы рождены для вдохновения,
 Для звуков сладких и молитв.
 (Н. А. Некрасов, Собрание сочинений в 8 томах, том 1, Москва 1965, стр. 165)
- 4 Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 15 томах, том 9, Москва, 1939—1953.
- 5 Б. Пенев, История на новата българска литература, том 4, часть 1, София 1936, стр. 243—4.
- 6 Р. Жинзифов, Съчинения, съкмила З. Здравева, МНИ, София 1927, стр. 3.
- 7 Р. Жинзифов, Публицистика в два тома, БАН, София 1964, том 1, стр. 196.
- 8 Náprstkovo národopisné muzeum všeobecného národopisu v Praze, AR XXIX, письмо от 4-го ноября 1864 года и Zdeněk Urban, Neznámé dopisy Rajka Žinzifova V. D. Stojanovovi a jejích význam, sb. F. Wollmanovi k sedmdesátinám, Praha 1958, стр. 258—269.
- 9 Разрядка моя — И. Д.
- 10 Zdeněk Urban, Neznámé dopisy Rajka Žinzifova V. D. Stojanovovi a jejích význam, стр. 261.
- 11 Там же, стр. 262.
- 12 П. Диневков, Македония в преписката на Марин Дринов, Македонски преглед, 2, 1942, письмо 8.
- 13 Р. Жинзифов, Публицистика, том 2, стр. 52.
- 14 Там же, стр. 56.
- 15 Там же, стр. 57.
- 16 П. Диневков, Македония в преписката на Марин Дринов, стр. 52.
- 17 Разрядка моя — И. Д.
- 18 П. Диневков, Македония в преписката на Марин Дринов, стр. 52—84.
- 19 Дунавска зора, бр. 21, 1869, стр. 111.
- 20 Булат = меч из азиатской узорочной стали. В сказках это прозвище богатырей.
- 21 Р. Жинзифов, Публицистика, том 1, стр. 241.
- 22 Разрядка Р. Жинзифова.

- 23 Цит. по Ал. Спасову, Райко Жинзифов, живот и книжевна дејност, Скопје 1959, стр. 15 (рукопись диссертации).
- 24 Р. Жинзифов в письме И. И. Срезневскому от 17 (27) августа 1862 г. сообщает ему, «что он принял на себя труд составить краткий Болгаро-русский словарь...» См. Документы и истории славяноведения в России (1850—1912). Москва — Ленинград 1948, стр. 44.

REVOLUTIONÄRE IDEEN IN DEN WERKEN

RAJKO ŽINZIFOV

Die Beziehung des Dichters Rajko Žinzifov zu den Gedanken des bewaffneten Kampfes ist bisher nur wenig erforscht worden. Die Literaturhistoriker halten diesen Dichter mit Unrecht nur für einen Slawophilen und Anhänger der Aufklärung. Der Verfasser dieses Artikels versucht auf Grund einer Analyse seiner Gedichte (Nedopejana pesnja, Doba, Otviz kām pevecāt) und Abhandlungen die aktive Haltung des Dichters gegenüber den revolutionären Formen des Kampfes gegen die Türken zu zeigen. Žinzifov wurde von der russischen und ukrainischen progressiven Literatur beeinflusst, fand in ihr eine Inspirationsquelle für seine eigene dichterische Schöpfung und Auffassung des bewaffneten Widerstandes gegen die Türken auf dem Balkan.

Darum ist es nicht möglich den Dichter Žinzifov zu der Gruppe der bulgarischen und makedonischen Intelligenz zu rechnen, welche die Hilfe von Russland passiv erwartete, sondern zu der progressiven Intelligenzgruppe der Balkanvölker.

Übersetzt von *Olga Urbancová*